

Для обозначения устья реки в коми языке используется слово *вам* или послелог *дин*. В данном случае при переводе коми ориентировались только на словесную форму русского топонима и передали не соответствующее топонимическому значение многозначного русского слова. Аналогично предыдущему примеру, механический перевод слова в ближайшем значении свидетельствует о возможности калькирования из русского в коми.

Если допускать возможность калькирования топонимов, то этот процесс должен был бы идти параллельно заимствованию из русского в коми. Примерами русских заимствований в первоначально зырянской топонимии на этой территории могут быть названия: руч. *Петухацёр*, *Петухацера* «Петухов ручей»; руч. *Грубадьель* (< *Грубой Ель* «Крутой ручей» – русское слово в диалектном значении было заимствовано в лексику коми языка).

Поиск следов коми-русского взаимодействия в севернорусской топонимии приводит к следующим выводам. С одной стороны, в топонимии регионов, соседствующих с Коми, обнаруживаются некоторые факты, для интерпретации которых можно предположить первоначальный процесс адаптации зырянами уже существовавшей здесь русской топонимии. С другой стороны, при рассмотрении русских элементов в современной коми топонимии обнаруживается отсутствие аналогов севернорусским полукалькам, что позволяет ограничить круг возможных источников данной топонимической модели западной ориентацией: прибалтийско-финскими и саамскими языками. Таким образом, представление о взаимодействии топонимических пластов на данной территории усложняется: топонимы-полукальки свидетельствуют о русской адаптации прибалтийско-финско-саамского субстрата, предшествовавшей или шедшей параллельно с зырянской адаптацией топонимии данной территории. То, что сейчас все пласты топонимии, в том числе и зырянский, «перекрыты» русским, связано либо с позднейшим оттоком коми населения с этой территории, либо с его обрусением.

О.В. Смирнов
Уральский университет

Мансийская топонимия реки Чусовой в записях Г.Ф. Миллера

Река Чусовая – одна из красивейших горных рек Урала – вызывает повышенный интерес не только у туристов, но и ученых-историков, языковедов. Бассейн ее является местом пересечения разных ландшафтных зон Европы, Сибири, таежного и лесостепного Урала и Приуралья. Как следствие, именно здесь издревле проходили этнические границы, а берега Чусовой были периферийной зоной распространения и областью контакта различных этносов и культур. Это наложило отпечаток на то-

пониманию региона, в которой переплетены и соседствуют остатки разноразличных синхронных и диахронных пластов. Это же стало причиной сложности и запутанности, с которой приходится сталкиваться при исследовании вопросов, связанных с дорусским населением басс. р. Чусовой.

На роль одного из наиболее древних аборигенных этносов этой территории претендуют вогулы (манси). Их поселения в среднем течении реки сохранялись до конца XVIII в. В первом тысячелетии нашей эры вдоль Чусовой проходила восточная окраина сылвинской культуры, связываемой некоторыми археологами с древними угорскими народами.

Ввиду предполагаемой древности мансийского населения в басс. р. Чусовой важное значение имеет изучение вопроса о мансийской топонимии на этой территории. Первая попытка обобщения сведений об иноязычных географических названиях Чусовой была предпринята Е.Э. Ивановой¹. Среди многочисленных топонимов иноязычного происхождения, сохранившихся здесь до настоящего времени, названий, восходящих к мансийскому языку, было выявлено немного, причем, лишь небольшими ареальными вкраплениями. Основная масса топонимов отнесена исследовательницей к группам коми, тюркского, а также неизвестного происхождения.

Массив мансийской топонимии рассматриваемой территории в количественном и ареальном отношении значительно расширяют обнаруженные недавно записи 47 вогульских географических названий по р. Чусовой, содержащиеся в неопубликованном труде историка XVIII в. Г.Ф. Миллера «Географическое описание Сибири» (РГАДА, ф.199, оп.2, п. 507, ч.1, д.4). Эти записи частично были использованы автором данной статьи в ранее опубликованной работе и диссертационном исследовании, посвященном становлению русской топонимической системы северной части горнозаводского Урала². Вместе с тем, учитывая важность вопроса, данный материал заслуживает отдельного описания и анализа.

Материалы Г.Ф. Миллера были сопоставлены с имеющимися ландкартами XVIII в. и современными названиями. Результаты этого сопоставления представлены в сводной таблице (см. с. 138–141). Лингвистическую достоверность этих записей можно оценить как достаточ-

¹ *Иванова Е.Э.* Топонимия среднего течения реки Чусовой: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1993.

² *Смирнов О.В.* Субстратная мансийская топонимия в горной части Среднего Урала // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 1996. С.51–74; *Он же.* Русская топонимия северной части Горнозаводского Урала: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.

но высокую. Во-первых, в них находят отражение фонетические закономерности языка чувовских вогул, обнаруженные в ранее найденных и описанных словниках¹, во-вторых, почти все названия поддаются этимологической интерпретации. Учитывая также высокую географическую достоверность, можно отметить, что данные записи сделаны с максимальной скрупулезностью и точностью, которая была возможна в XVIII в. Все это делает материалы историка Г.Ф. Миллера весьма ценными для лингвистического анализа, в том числе и фонетического.

1. Названия, этимологизируемые из мансийского языка

Этимологический анализ топонимов показывает, что из 47 названий лишь 13 убедительно этимологизируются из мансийского языка, еще 6 названий могут быть протимологизированы из мансийского, но с определенным сомнением, и два топонима (*Kopsichbiul* и *Garewalbiul*) во второй своей части содержат мансийский географический термин, в то время как первую часть из мансийского языка протимологизировать не удалось.

Основная масса собственно мансийских по происхождению названий в записях Г.Ф. Миллера концентрируется в районе р. Серебрянки, особенно в верхнем ее течении (см. карту 1). Большинство засвидетельствованных мансийских и соответствующих русских названий являются кальками. Этимологический анализ мансийских по происхождению топонимов в записях Г.Ф. Миллера публиковался ранее², поэтому здесь мы ограничиваемся приведением основных этимологических соответствий в таблице.

Все топонимы, записанные Г.Ф. Миллером и этимологизируемые из мансийского языка, являются названиями скал и небольших второстепенных притоков, т.е. по сути микротопонимами. Топонимы, относящиеся к более крупным географическим объектам, большей частью заимствованы из соседних пермских и тюркских языков. Общий анализ географических названий также показывает, что в басс. р. Чусовой практически все известные более-менее крупные гидронимы не являются мансийскими по происхождению (относительно названий рр. Утка, Кашка, Сулем см. ниже). Топонимы мансийского происхождения встречаются лишь среди обозначений более мелких объектов. Обычно это

¹ *Gulya J.* Egy 1736-ból származó manyisi nyelvmélek // *Különlenyomat a nyelvtudományi közlemények LX. Kötetének I. számából.* Budapest, 1958. С. 41–45; *Gulya J.* Egy sajátos deli vogul hangjelölés kérdésehez // *Különlenyomat a nyelvtudományi értekezések. 40. számából.* Budapest, 1964. С. 121–123; *Гуля Я.* Древнемансийские диалекты // *Congressus internationalis fenno-ugristarum habitus.* 20–24.09.1960. Budapest, 1963. Р. 172–175; *Смирнов О.В.* Субстратная мансийская топонимия в горной части Среднего Урала.

² См.: *Смирнов О.В.* Субстратная мансийская топонимия в горной части Среднего Урала.

свидетельствует об относительно недавнем заселении соответствующей этнической группой данной территории. Таким образом, можно предположить, что заселение вогулами Чусовой происходило после или одновременно с проникновением на эти территории тюркских, пермских и русского народов, т.е. в XV–XVII вв., в результате вытеснения части южных манси из Среднего Зауралья сначала тюркской, а затем и русской колонизациями. При этом естественным является то, что вогульские поселения расположились в районе р. Серебрянки, поскольку ее вершина близко подходит к вершинам Баранчи, одного из главных притоков Тагила. Миграции южных (в частности, тагильских) манси могли идти именно по этому пути, а затем из района среднего течения Чусовой далее в слабозаселенные чащи верховьев Сылвы. Примечательно, что на Сылве в топонимии, записанной Г.Ф. Миллером, названий мансийского происхождения уже практически не отмечено, что может подтверждать более позднее по сравнению со средним течением Чусовой (возможно, только в XVII–XVIII вв.) заселение вогулами Сылвы.

2. Названия, этимологизируемые из коми языка

Второй достаточно компактный ареал в мансийской топонимии Г.Ф. Миллера образуют названия пермского происхождения: 4 соответствующих топонима группируются в районе устья р. Кын (см. карту 2). Это само название р. *Кун*, переводимое с к.-перм. языка как «мерзлая»¹, а также три названия, которые относятся к микрообъектам: 1) рч. *Nerüsch jä* (совр. Малый Кын), ср. к.-перм. *нõрыс* ‘возвышенность, кряж’², речка впадает возле высокой возвышенности и скалы Мултык, конечное *-sch* в мансийском топониме может быть отражением шипящей аффрикаты в исходном пермском диалекте. О наличии таких шипящих аффрикат на конце слов в вымерших коми диалектах в соответствии со свистящими современных коми языков в словах, оканчивающихся на суффиксы, содержащие в исходе *-c/-сь*, может свидетельствовать русская топонимия с исходом на *-ч* западных склонов Среднего и Северного Урала типа рр. Лопач, Нярыч, Пелуч, Сепыч и др. (ср. р. Пелуч в басс. р. Косьвы и р. Пельёс в Гаринском районе)³; 2) рч. *Jeschmas jä*, ср. к.-перм. *õшмõс* ‘кпюч, источник’⁴, передача в начальном слоге к.-перм. звука *õ* манс. *e* аналогична тому, как это наблюдается в топониме *Nerüsch*, инициальное *j* в форме *Jeschmas* могло быть протетическим; 3) рядом с *Jeschmas jä* расположена также

¹ Матвеев А.К. Географические названия Урала: Краткий топонимический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Свердловск, 1987. С. 108.

² Кривошекова-Гантман А.С. Географическая терминология коми-пермяцкого языка // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 37.

³ Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь, 1983. С. 133.

⁴ Кривошекова-Гантман А.С. Географическая терминология коми-пермяцкого языка. С. 38.

рч. *Surol jä*, ср. к.-перм. *сюр* 'гора, мыс' и топоним *Сюрал* в Коми-Пермяцком округе¹. К этому же ареалу примыкает название *Sel jä* (*Сылвица*), которое можно связать с коми *сыл* 'талый'. Особенности вокализма этого топонима, вероятно, объясняются адаптацией коми звука *ы* манс. **j/ĕ*, ср. аналогичную адаптацию рус. *ы* в мансийских заимствованиях². Звук **j/ĕ* у Г.Ф. Миллера в словниках, представляющих диалект чусовских вогул, графически обычно передается в виде *ä*, *e*, реже *i* или *a*.

Описываемый ареал, вероятно, отражает зону расселения какой-то компактной пермской группы, продвинувшейся сюда с Лысьвы или Барды, с которой контактировали чусовские манси. Примечательно, что этот ареал совпадает с территорией, где засвидетельствованы последние поселения чусовских вогул, но ничего не говорится о поселениях пермяков. Можно предположить, что здешние пермяки к середине XVIII в. были ассимилированы или вытеснены мигрировавшими манси.

Что касается фонетической адаптации коми слов чусовскими вогулами, то кроме отмеченного *ö>e* следует остановиться на вокалическом облике названия *Кул*. В мансийской передаче этого топонима Г.Ф. Миллер использует латинскую букву *y*, которой он обычно передает звук *ы*, ср. *Sylwiza*, *Multyk Kamen* и т.д. Для мансийского языка звук *ы* не характерен и заменяется другим звуком, ср. *Sel jä* (*Сылвица*). Мансийская передача топонима в форме *Кул* может отражать передачу специфичного мансийского звука **j/ĕ* буквой *y* (что, вообще-то, не присуще записям Г.Ф. Миллера), либо свидетельствовать о неполной фонетической адаптации данного топонима мансийским языком, подчеркивать его «иноязычность» вследствие недавнего по времени заимствования.

Топонимы пермского происхождения в районе устья р. Кын, по всей видимости, отражают достаточно интенсивные и молодые мансийско-пермские контакты, связанные с предполагаемой в данной статье поздней миграцией манси в среднее течение р. Чусовой. Несколько другой характер могут иметь ряд мансийских названий крупных притоков Чусовой, этимологизируемых из пермских языков. В первую очередь, это *Los jä* (Лысьва) и *Sul* (Сылва). Особенности вокализма в мансийской форме топонимов объясняются тем, что коми *ы* в соответствующих пермских этимонах восходит к общепермскому (прапермскому) **ü*, ср. *лыс* 'хвоя' (<**lūs*) и *сыл* 'талый' (<**sül*)³. Вогульская форма *Los* вместо **Lus* связана с переходом **ü* (*ü*) > *ō* (*ō*) в южномансийских диалектах,

¹ Кривошекова-Гантман А.С. Географическая терминология коми-пермяцкого языка. С. 40.

² Kalman B. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. Budapest, 1961. S. 77.

³ Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1999. С. 164, 267.

который затронул и чусовские говоры¹. Таким образом, предположительно, название более северного крупного притока Чусовой Лысьвы проникло в описываемый Г.Ф. Миллером чусовской вогульский диалект непосредственно из древних пермских диалектов, вероятно, еще до переселения вогул на Чусовую. Ничего необычного в этом нет, поскольку названия крупных объектов часто заимствуются за этнические границы.

Переход **ü (ÿ) > ô (ö)* не отразился в топониме *Sul*, видимо, в силу несколько более позднего заимствования этой формы вогулами через посредство тюркских языков (у Г.Ф. Миллера тат. *Sülhü*, где *üi* 'река', из этой татарской формы, очевидно, происходит и современное мар. *Сули* «Сылва»), когда отмеченный фонетический закон в чусовском диалекте уже перестал действовать. Относительно его хронологии имеются выводы Я. Гуя, сделанные им на основе анализа мансийских списков слов XVIII в., о том, что переход **ü > ô* в XVIII в. уже завершился, а переход **ü > ô* в некоторых южных диалектах был еще живым процессом². По нашим наблюдениям, соответствие **ü (ÿ) – ô (ö)* в списках слов чусовского диалекта у Г.Ф. Миллера достаточно регулярно, кроме того, у чусовских вогул начал возникать новый звук *u* на месте **ô* и некоторых сочетаний гласных с *w*. Следовательно, в чусовском диалекте вогул переход **ü (ÿ) > ô (ö)* к XVIII в. в целом закончился, хотя и относится к явлениям достаточно молодым. Эти выводы позволяют отнести заимствование топонимов, в которых этимологическое *u* сохраняется без изменения, к позднему периоду (не ранее XVII в.).

Другие мансийские топонимы коми происхождения, относящиеся к крупным объектам: 1) р. *Jok jä* (Ёква), заманчиво выводить это название из древнего перм. **jug* 'река' с переходом **ü (ÿ) > ô (ö)* в чусовском вогульском диалекте (ср. *Los jä*), правда, в этом случае необходимо было бы ожидать русскую форму этого топонима *Юква* или, если предположить вслед за А.С.Кривошековой-Гантман диалектную форму этого слова в к.-перм. языке **ÿög* 'река', – *Еква*, поэтому правомерной остается предложенная Е.Э. Ивановой этимология из к.-перм. *ëg* 'трясь'³; 2) р. *Koi jä* (Койва), ср. к.-перм. *койны* 'брызгать', *кой* 'брызги' или к.-перм. *кой* 'пеночка (птица, название рода)'⁴.

3. Названия, этимологизируемые из тюркских языков

Третья с точки зрения языковой принадлежности группа названий в записях вогульской топонимии р. Чусовой Г.Ф. Миллера – топонимы, этимологизируемые из тюркских языков. Практически все они относят-

¹ См.: *Gulya J. Egy 1736-ból származó manysi nyelvmemlék.* С. 41–45.

² Гуя Я. Древнемансийские диалекты.

³ Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья. С. 87.

⁴ Иванова Е.Э. Топонимия среднего течения рек Чусовой. С. 128.

⁵ Матвеев А.К. Географические названия Урала. С. 96.

⁶ Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья. С. 103.

ся к крупным притокам р. Чусовой и ареально располагаются южнее пермских по происхождению названий (см. карту 2): 1) р. *Jul jä* (Серебрянка), от тюрк. *юл* ‘дорога’, *юл* ‘ручей, горная речка’ [Радлов 3, 552], *джуль*, *юл* ‘река’; 2) р. *Tschischm jä* (Чизма), от тюрк. *чишмә* ‘ручей’ [Радлов 3, 2152]; 3) р. *Jaŷm jä* (Илим), сравнивают с башк. *йылым* ‘невод’, можно также привести тюрк. *ялым*, *ылым* ‘крутой спуск, овраг’ [Радлов 3, 169, 485], параллели мы находим в топонимии смежных территорий, где тюрки проживают до сих пор, например р. Ялым в нижнем течении р. Бисерть, р. Елымовка в басс. р. Бабка, приток Сылвы; 4) *Sari jä* (Сарга), ср. тюрк. *сары*, *сарык* ‘желтый’, *сарга* ‘желтеть’ [Радлов 4, 319–332]. Данный топоним входит в ареал названий *Сарга*, *Саргай*, *Саргая* в басс. Уфы и на территории Башкирии², конечный фриктивный *у* в мансийских диалектах, в том числе и в чувовском, часто отпадает, отсюда мансийская форма *Sari*; 5) р. *Urma jä* (Урма), ср. тюрк. *урма* ‘вьющийся’ [Радлов 1, 1844] или *урман*, *урма* ‘лес’ [Радлов 1, 1673]. Единственный топоним в этом ряду, относящийся к микрообъекту, фиксируется в верхнем течении Сылвы: р. *Iltemir jä* (Крутая) и восходит к тюркскому антропониму.

Некоторые тюркские топонимы в среднем течении р. Чусовой могли быть заимствованы вогулами до их миграции на Чусовую. Например, р. *Jul jä*, по которой, очевидно, шла главная вогульская дорога с Тагила на Чусовую. Название этой реки должно было быть известно южным манси еще давно. Другая часть топонимов, особенно в верховьях Сылвы, вероятно, принадлежит к относительно молодым заимствованиям. Во всяком случае, следует заметить, что ни в одном тюркском заимствовании не отражен такой фонетический южномансийский процесс, как переход **ü (ũ) > ö (õ)*, в том числе и в топониме *Jul jä*, т.е. соответствующие заимствования должны были проникнуть к вогулам относительно недавно (XVII–начало XVIII в.), после завершения действия этого фонетического закона в чувовском мансийском диалекте. Наличие следов перехода **ü (ũ) > ö (õ)* в некоторых коми заимствованиях и отсутствие их в тюркских заимствованиях подтверждает направление миграции вогул в басс. р. Чусовой с севера на юг и относительно поздние их контакты с тюрками на этой территории.

4. Топонимы, заимствованные из русского языка

В мансийской топонимии басс. р. Чусовой обнаруживаются примеры влияния русского языка на географические названия чувовских вогул. В верхнем течении р. Сылвы Г.Ф. Миллером засвидетельствован топоним

¹ Розен М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины Западной Сибири. Томск, 1986. С. 115.

² Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980. С. 165.

р. *Waske jä* (Васькина). Русскими по происхождению, возможно, являются названия притоков Сылвы р. *Busor jä* (Мусорка) и р. *Löm jä* (Ломовка), хотя эти два топонима могут иметь и нерусское происхождение. Так, на некоторых ландкартах XVIII в. р. Ломовка называется *Лома*, ср. р. *Ломашор* (басс. р. Чермоз), р. *Ломашер* (басс. р. Язьва).

В бассейне р. Серебрянки (правого притока р. Чусовой) обращают на себя внимание два факта: р. *Habytalt jä* (Кокуй) и р. *Kylichien jä* (Клыкταν). Первое название легко переводится с мансийского как «речка лодочной пристани». Очевидно, что семантика его связана с тем известным историческим фактом, что место возле р. Кокуй послужило пристанью для дружины Ермака в целях зимовки во время движения на лодках вверх по р. Серебрянке. Русский вариант названия – *Кокуй* – является распространенным русским диалектным географическим термином, особенно на территории Приуралья [Мурзаев, 283], которым часто называют временные поселения, выселки, ср. *кокуй* ‘выселок’ (забайк.) [СРНГ 14, 103]. Следовательно, русское название в основе своей имеет тот же мотив номинации, что и мансийское, и, вероятно, является первичным по отношению к мансийскому топониму. С русским влиянием в басс. р. Серебрянки может быть связано и второе название (*Kylichten* – *Клыкταν*), поскольку оно хорошо объясняется на русской почве от диал. *клыктать* ‘бурлить’¹, а из мансийского языка не переводится. При заимствовании из русского в мансийский форма *клыкταν* должна была закономерно дать форму, близкую к той, которая засвидетельствована Г.Ф. Миллером, поскольку стечение согласных в начале слова противоречит фонетическим закономерностям мансийского языка и при заимствовании часто разбивается эпентетическим гласным, ср. манс. *канась* от рус. *князь*. Против заимствования из русского языка свидетельствует последовательное употребление этого топонима на русских ландкартах XVIII в. в форме *Колыхтан*. Если ландкарты отражают первоначальную форму этого топонима, то русский вариант названия (*Клыкταν*) следует признать результатом народно-этимологической адаптации. Если же принять версию о заимствовании этого топонима из русского языка в мансийский, то форму на ландкартах нужно рассматривать как обратное заимствование, произошедшее вследствие записи картографами XVIII в. топонима не от русских, а от вогул. В этом случае русский топоним *Клыкταν* должен быть достаточно старым, и его возникновение может относиться еще к временам похода Ермака. Прояснить ситуацию могли бы русские архивные источники XVI–XVII вв., но в них данный топоним пока не обнаружен.

¹ Иванова Е.Э. Топонимия среднего течения реки Чусовой. С. 93.

Недалеко от устья р. Серебрянки находится скала *Писаный Камень*, которая по-мансийски у Г.Ф. Миллера называется *Chantschemakue* «писаный камень». Мотивом номинации русского топонима послужила надпись на скале, сделанная в честь рождения Акинфия Демидова. Таким образом, не вызывает сомнения, что первичным здесь является русский топоним, а мансийское название – его перевод. Этот факт позволяет предположить, что некоторые топонимические кальки, обнаруживаемые в записях Г.Ф. Миллера в районе р. Серебрянки¹, могут также быть результатом калькирования не мансийских названий русским языком, а наоборот русских топонимов мансийским.

В этом же районе одна из вогульских деревень носила у манси название д. *Garewal biul* (Бабёнки). Наиболее вероятно его происхождение от рус. **Га́ревая*. О возможности передачи рус. *j* манс. *l'* при заимствовании говорят факты, приведенные в исследовании В. Kalman². Рядом расположенная д. *Kopsich biul* (Копчик) в основе своей содержит немансийский антропоним, ср. поле *Копчик ыб* в Юксинском районе Коми-Пермяцкого округа³, ср. также исконно слав. *кобец*, *кобчик* ‘хищная птица’ [Фасмер 2, 267]. То, что названия единственных достоверно известных мансийских поселений на Чусовой не являются исконно мансийскими, также свидетельствует в пользу того, что вогулы не относятся к коренным жителям этих мест.

Русским названием, по свидетельству самого Г.Ф. Миллера, пользовались вогулы и при обозначении притоков Чусовой и Сылвы, носящих имя *Утка*: «вогулы настолько приспособились к русскому языку, что не хотят произносить имя Утка иначе, чем произносят русские» (РГАДА, ф. 199, оп. 2, п. 507, ч. 1, д. 4, л. 9, перевод автора с нем.).

Приведенные выше факты свидетельствуют, что не только пермяцкая и тюркская, но и некоторые ранние пласты русской топонимии в басс. р. Чусовой, появившиеся, очевидно, в XVI–XVII вв., могут являться первичными по отношению к мансийской.

5. Топонимы, не поддающиеся этимологизации из мансийского, пермских, тюркских и русского языков (субсубстратные)

Последняя группа названий – это иноязычные вкрапления в мансийскую топонимию, не этимологизируемые из пермских, тюркских и русского языков. Условно назовем их субсубстратными. Все они отно-

¹ Смирнов О.В. Субстратная мансийская топонимия в горной части Среднего Урала; см. также табл. на с. .

² В. Kalman. Die russischen Lehnwörter im Wogulischen. S. 52.

³ Кривошекова-Гантман А.С. Ономастика на службе истории края. С. 34.

сятся к достаточно крупным гидрографическим объектам. В верхнем течении р. Сылвы засвидетельствовано три соответствующих топонима:

1) р. *Bis jä* (Бизь), это название входит в ареал топонимов *Бизь*, *Пизь*, *Пиэя* в Среднем Приуралье и Прикамье, обычно связываемых с венг. *víz* 'вода'¹. Из древневенгерского этот топоним мог проникнуть в мансийский и русский язык только через тюркское посредство, потому что только этим объясняется переход венг. *v-* > *б-/н-* в связи с отсутствием исконного инициального *v-* у тюрков. В пермских, мансийском и русском языках при непосредственном заимствовании из древневенгерского мы бы получили форму **Визь*;

2) р. *Kujar jä* (Куара), ср. венг. *kő* 'камень' и венг. *ér* 'речка, ручей' (<др-венг. *eri* < угор. **ǵäri*)², топоним входит в ареал названий рек Арий, Бизярка, совпадающий с ареалом названий *Бизь*, *Пизь*, в которых предположительно отражена древневенгерская географическая терминология. В этом случае *j* в мансийской форме *Kujar*, скорее всего, является эпентетическим. В то же время нельзя отвергать вероятности тюркского происхождения этого топонима, ср. тюрк. *көйөү* 'родник, источник' и рч. *Көйөргәзе* (*Куюргазы*) в Башкирии³, рч. *Куяр* в басс. р. Пышмы (Свердл. обл.). В любом случае отсутствие следов перехода **ü* (*ū*) > *ō* (*õ*) говорит о позднем тюркском или русском посредстве при усвоении этого топонима местными вогулами;

3) р. *Utka* (Дикая Утка), формант *-ка*, вероятно, русского происхождения (см. выше о русском влиянии на произношение этого топонима вогулами). Названия *Утка*, *Ут* образуют плотный ареал в басс. рр. Чусовой, Тагила, Бисерти и верхнем течении р. Сылвы. Ранее уже высказывалось мнение о древневенгерском происхождении этого топонима, ср. венг. *út* 'дорога'⁴. Однако у этой версии есть и ряд трудностей. Во-первых, высокая частотность данного топонима в весьма компактном ареале ставит под сомнение его семантику. Обычно семантикой подобных топонимов является гидрографический термин 'река, речка, ручей, ключ и т.д.' или частотное в гидронимии определение типа 'черный', 'белый', 'каменный', 'березовый'. Во-вторых, ареал топонимов *Утка*, *Ут* не совпадает с ареалом древневенгерских топонимов *Бизь*, *Пизь*, *Арий*, а компактно проходит вдоль его восточной границы. Эти семантические и лингвогеографические соображения позволяют предположить, что перед нами географический термин из иного языка или диа-

¹ Матвеев А.К. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР. М., 1961. Вып. 2. С. 319–330.

² Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 291.

³ Словарь топонимов Башкирской АССР. С. 75.

⁴ Матвеев А.К. Географические названия Урала. С. 182.

лекта, нежели топонимы *Бизь*, *Пизь*. Таким источником мог быть неизвестный угорский диалект, например, близкий к древнененгерскому, но в котором не произошло перехода **t > z*, и, следовательно, слово 'вода, речка' имело вид **wit > *ut*, аналогично тому, как это наблюдалось в некоторых южномансийских диалектах. Первоисточником этих названий, на наш взгляд, вряд ли служит манс. чус. *утя* 'вода'¹, поскольку, во-первых, в мансийской топонимии этот термин используется редко и только в качестве определения, во-вторых, в басс. р. Бисерть, где есть р. Ут, наличие в прошлом мансийского населения сомнительно и других следов мансийской топонимии пока не обнаружено, и, в-третьих, топоним выглядит изолированно на фоне заимствованного характера других названий крупных притоков Чусовой и Сылвы.

В среднем и нижнем течении р. Чусовой к группе субсубстратных названий относятся четыре топонима:

1) р. *Aus* (Усьва). Это самый северный из засвидетельствованных в этом списке Г.Ф. Миллера топонимов. Он стоит несколько особняком по отношению к основному описываемому массиву; и, очевидно, передает билабиальный мансийский звук *w*, как это часто наблюдается в списках мансийских слов XVIII–XIX вв. Форма названия сопоставима с топонимом р. *Ous* (крупный приток Пелыма). Именно этот факт препятствует тому, чтобы вслед за А.С. Кривошековой-Гантман видеть в топониме *Усьва* отражение речного термина монгольского происхождения *ус* (или др.-тюрк. *огуз* 'река'), который могли занести сюда тюрки², поскольку в басс. Пелыма тюрки никогда не были. Названия *Aus* и *Ous* лучше сравнивать с хантыйскими данными, ср. хант. *äwäs*, *öwäs* 'нижний (по реке)'³. Река Усьва (*Aus*) действительно является одним из самых нижних притоков р. Чусовой. Различия в огласовке *a/o* объясняются как хантыйскими, так и мансийскими языковыми закономерностями, где в диалектах существуют регулярные соответствия гласных *a – o*. Наличие языковых фактов, близких к хантыйским, в топонимии басс. р. Чусовой принципиально возможно, поскольку подобные свидетельства на смежной территории восточных склонов Среднего Урала не единичны, ср. рр. *Сап*, *Нейва*, *Тагил*⁴, *Емех*⁵. Заимствование топонима *Aus* вогулами достаточно древнее, причем он единственный, где следует исключить пермское посредство, так как тогда в пермском мы должны были

¹ Матвеев А.К. Географические названия Урала. С. 182.

² Кривошекова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья. С. 153.

³ Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin, 1966. B.I. S. 29–30.

⁴ Матвеев А.К. Географические названия Урала.

⁵ Смирнов О.В. Русская топонимия северной части Горнозаводского Урала.

бы иметь что-то типа **Авысва*, и в русский язык заимствовать **Авысва* или **Асва*. Коми топоним *Усьва* и манс. *Aus* предположительно являются параллельными заимствованиями из одного неизвестного языка. В свою очередь, это означает, что в эпоху, когда манси и пермяки осваивали горную часть Среднего Урала, они столкнулись с остатками какого-то аборигенного населения, вероятно, близкого хантам;

2) р. *Uika* (Межевая Утка), ср. выше р. *Uika* (Дикая Утка);

3) р. *Kasch jä* (Кашка), фонетически сомнительна версия Е.Э. Ивановой о связи этого топонима с манс. *хоса, коша* 'длинный'¹, поскольку гласный *õ* северных и западных мансийских диалектов соответствует в ю.-манс. *о* или *и*, ср. чус. *куша* 'длина'². Не исключено тюркское происхождение топонима, ср. тюрк. *каш* 'холм, высокий берег, рубеж' [Радлов 2, 386]; 4) под сомнение можно поставить также мансийское происхождение названия р. *Sülem jä* (Сулём). Обычно его этимологизируют из манс. *суль* 'глина' или *сулинг* 'прыгающий'³. Не отвергая возможности этих этимологий, следует заметить, что в чувовском мансийском диалекте на месте *у* ожидалось бы *о*. Кроме того, вторая этимология («прыгающая речка») сомнительна семантически, поскольку так русские называют лишь маленькие речки и, более того, чтобы переносить эту модель на чувовскую вогульскую гидронимию, нужны дополнительные подтверждения со стороны живых мансийских топонимов. Скорее всего, здесь мы имеем дело с субсубстратным топонимом неизвестного происхождения (возможно, прапермского, ср. *Sul* (Сылва), к.-зыр. *сылъм* 'растаявший'), ср. топонимы *Солым* (басс. р. Коса) и р. *Сульмаш* (басс. верхнего течения р. Танып);

4) к субсубстратным можно отнести название крупного притока р. *Серебрянка* – р. *Botisch jä* (Потяж), которое входит в ареал топонимов Приуралья неизвестного происхождения, оканчивающихся на *-ыш/-яш* (например рр. *Турыш, Кадыш, Култыш, Явыш, Киляш, Седяш* и др.). На возможное происхождение этого топонима из неизвестного угорского языка может указывать сходство с венг. *fűz* 'ива' (+ *-š* – венгерский суффикс прилагательных), ср. также *fűzes* 'ивняк'⁴, учитывая, что *f* и *z* произошли в венгерском соответственно из *p* и *t*. Необходимо обратить внимание на фонетические различия мансийской и русской форм топонима *Botisch jä* (Потяж). Начальное манс. *b-* объясняется закономерным

¹ Иванова Е.Э. Топонимия среднего течения реки Чусовой. С. 132.

² Сравнительные словари всех языков и наречий. СПб., 1787. Ч.1. С. 368.

³ Матвеев А.К. Географические названия Свердловской области: Топонимический словарь. Екатеринбург, 2000. С. 262.

⁴ Венгерско-русский словарь. М., 1951. С. 153.

озвончением начального *p-* в чувовском диалекте вогул¹. Отсутствие следов этого озвончения в русском варианте топонима может говорить о том, что он был усвоен русским языком не из мансийского, а другого языкового источника, вероятно, пермского. По формальным признакам к топониму *Botisch jä* примыкает название еще одного крупного притока Серебрянки – р. *Schurisch jä* (Шурыш). Оно сопоставимо с топонимом *Шурышкары* в басс. Оби, этимологизируемым из коми *сюр*, ср. к.-язв. *с'юрис* 'рог'. Учитывая то, что данное название в записях Г.Ф. Миллера окружено топонимами коми происхождения (*Кун jä*, *Jeschmas jä*, *Surol jä*) можно предположить, что чувовскими вогулами оно действительно было заимствовано от пермяков. Не подвергая сомнению этимологию топонима *Шурышкары*, семантика слова, положенного в основу чувовского гидронима *Шурыш*, требует уточнений, тем более что еще одна рч. *Шурыш* зафиксирована нами в басс. р. Бабки (приток р. Сылвы). Что это за «роговые речки»? Если это топонимы пермского происхождения, то здесь представляется семантически более приемлемым исходить из другого значения слова *сюр* в к.-перм. языке 'гора, мыс'². Однако одна «мысовая речка» от этого пермского географического термина по соседству с р. Шурыш в мансийской топонимии Г.Ф. Миллера есть, и засвидетельствована она в несколько другой форме *Surol jä*, что затрудняет объяснение формы *Schurisch jä*. Учитывая эти обстоятельства, допустимо искать источник происхождения приуральских *Шурышей* в другом языке, например, ср. венг. *sűrű* 'чаща' (+ *-š* – венгерский суффикс прилагательных) и аналогичную по структуре этимологию соседнего притока – р. *Botisch jä* (Потяж).

К рассматриваемой группе субсубстратных относится также и само название Чусовой *Schusch* (или *Schosche*, с отражением перехода **ũ* (*ũ*) > *ō* (*ō*) на мансийской почве). Распространена версия о связи названия р. Чусовая с удм. *чус* 'быстрый'³. Однако и тюркское, и мансийское *Schusch* из *чус* вывести трудно. А.К. Матвеев предполагает в качестве промежуточного звена коми *чо́ж* 'быстрый'⁴. Но здесь есть свои трудности: достоверных сведений о том, как коми народы называли Чусовую, мы не имеем. С другой стороны, засвидетельствованы пермские топонимы типа р. *Чус*, д. *Чус-Йыв*⁵ в басс. р. Колвы есть оз. *Чусовское*, поэтому велика вероятность, того, что в действительности пермя-

¹ *Gulya J.* Egy sajatos deli vogul hangjeloles kerdesehez.

² *Кривошекова-Гантман А.С.* Географическая терминология коми-пермяцкого языка. С. 40.

³ Венгерско-русский словарь. С. 393.

⁴ *Матвеев А.К.* Географические названия Урала. С. 191.

⁵ *Матвеев А.К.* Географические названия Свердловской области. С. 321.

⁶ *Кривошекова-Гантман А.С.* Географические названия Верхнего Прикамья. С. 158.

ки называли Чусовую *Чусва, а не Чожсва. В связи с этим, с нашей точки зрения, более оправдана предложенная А.С. Кривошековой-Гантман версия о происхождении названия Чусовая от утраченного пермским языком слова *чус 'овраг, каньон'. А.С. Кривошекова-Гантман приводит и возможные соответствия этому слову в других языках: др.-тюрк. *чуш* 'верховье реки', венг. *csucs* 'исток реки, вершина горы'¹. По своей фонетической форме эти соответствия наиболее близки к заимствованному Г.Ф. Миллером тюркскому и мансийскому названиям Чусовой – *Schusch*. Следовательно, если принимать версию А.С. Кривошековой-Гантман, в язык пермских татар, а от них, очевидно, и в диалект чусовских вогул этот топоним должен был проникнуть не из пермского, а из неизвестного языкового источника, близкого либо к древневенгерскому, либо к древнетюркскому (булгарскому?). Наричательное слово, положенное в основу названия *Schusch*, означало, видимо, «река с обрывистыми берегами». Эта семантика могла развиться из первоначального значения этого слова 'верховье, исток; овраг'.

Если предположить, что пермское *чус 'овраг, каньон' также некогда имело семантику 'верховье, исток', то удовлетворительное объяснение получает и название оз. Чусовское в Чердынском районе, поскольку оно служит истоком р. Вишерки, крупного притока Колвы.

Выводы

1. Основная масса описываемых Г.Ф. Миллером топонимов в басс. р. Чусовой (а в верховьях р. Сылвы почти все топонимы) была заимствована чусовскими вогулами из соседних пермских, тюркских и русского языков. Лишь 13 из 47 топонимов поддаются этимологической интерпретации из мансийского языка. Подавляющее большинство из них – это названия мелких географических объектов, протянувшихся полосой с верховьев р. Серебрянки по Чусовой до р. Илим и далее к верховьям Сылвы (карта 1). Это дает основание предполагать, что чусовские вогулы переселились в эти районы Приуралья относительно недавно, после или в крайнем случае одновременно с приходом сюда пермяков и тюрков. Следовательно, чусовские вогулы не могут являться достаточно древним этносом (более древним, скажем, чем пермяки или тюрки) в этих местах. Их миграции могли происходить из басс. рр. Туры и Тагила, по восточным притокам Чусовой, например, рр. Серебрянка, Межевая Утка, Сулем, в среднее течение Чусовой и позднее в верховья Сылвы. Названия большинства крупных притоков Чусовой были заимствованы вогулами у древних пермяков и тюрков.

2. Географически названия, этимологизируемые из коми языка, в основном располагаются в северной части басс. р. Чусовой, а этимологи-

¹ Там же. С. 161.

зируемые из тюркских источников – в южной части (см. карту 2). Два этих ареала в вогульской топонимии, очевидно, отражают ареалы расселения пермских и тюркских народов в басс. р. Чусовой к моменту прихода сюда южных манси.

3. В бассейне р. Чусовой мансийская топонимия содержит ряд топонимов, не этимологизируемых из мансийского, тюркских, пермских и русского языков. Это предположительно субсубстратный пласт топонимии. Языковая принадлежность субсубстратных топонимов в южной части исследуемой территории (верховья Сылвы и среднее течение Чусовой до Серебрянки) определяется как древневенгерская (*Bis jä*, возможно, *Kujar jä*) или неизвестная угорская (*Utka*, *Botisch jä*, возможно, *Schurisch jä*). В северной части (нижнее течение Чусовой) обнаруживаются следы неизвестного народа (*Aus*), предположительно близкого хантам, с остатками которого манси, возможно, столкнулись при заселении горной части Среднего Урала. Большинство субсубстратных топонимов, за исключением, вероятно, *Aus* (Усьва), были заимствованы чувовскими вогулами через тюркское, пермское или русское посредство. В частности, о позднем тюркском, пермском или русском посредстве при заимствовании этих топонимов в мансийский может свидетельствовать их фонетический облик, ср. р. *Bis jä* (начальное *b-* на месте предполагаемого *w-*) или отсутствие следов изменения **ū (ũ) > ō (õ)* в названиях типа *Kujar*, *Schurisch*. Эти факты также говорят в пользу того, что вогульское население Чусовой было пришлым и достаточно поздним.

4. В отличие от восточных склонов Среднего и Северного Урала (басс. рр. Тагила, Туры, Южной Сосьвы), где иноязычная по происхождению топонимия заимствовалась в русский язык через посредство мансийского, в басс. р. Чусовой иноязычные названия пришли в русский язык, главным образом через посредство пермских и тюркских языков. Об этом свидетельствуют многочисленные отличия русской и мансийской форм топонимов, ср. *Schusch* (Чусовая), *Sul* (Сылва), *Los jä* (Лысьва), *Sel jä* (Сылвица), *Botisch jä* (Потаж), *Jalym jä* (Илим) и т.д. Мансийское посредство могло иметь место лишь при усвоении иноязычной топонимии в верхнем течении некоторых восточных притоков Чусовой, таких как рр. Межевая Утка, Сулем, Серебрянка. Отдельные факты заимствования (*Waske jä*, *Garewal biul*) и калькирования (*Chantschemakue*) чувовскими вогулами русских топонимов могут свидетельствовать в пользу первичности по отношению к мансийской на большинстве территории басс. р. Чусовой не только пермской и тюркской, но и русской топонимии.

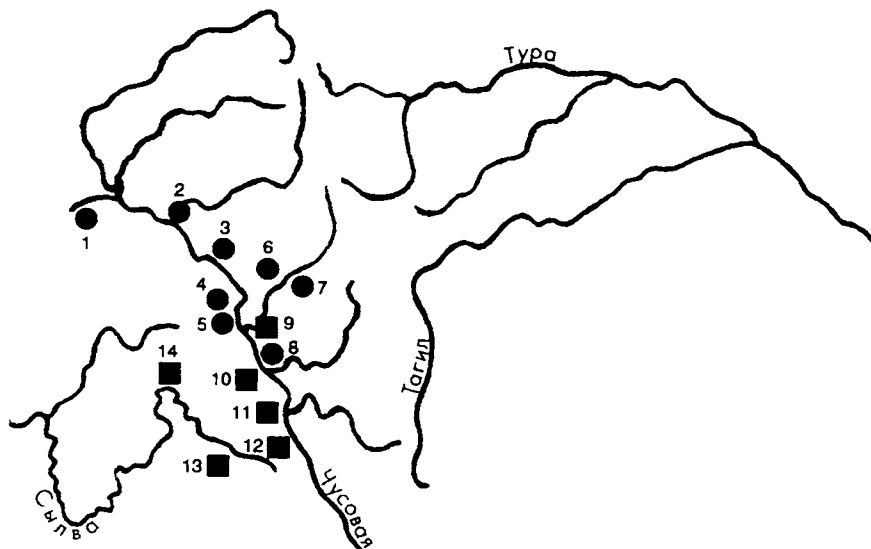
Карта 1. Топонимы, этимологизируемые из мансийского языка

1. Tautim jä
2. Chontal jä
3. Tascham jä
4. Nascham jä
5. Tarulal jä
6. Chabytalt jä
7. Nörmang jä

8. Amtzuk ku
9. Innar jä
10. Chantschemakue
11. Abass jä
12. Jelping jä
13. Jelping jä

Карта 2. Топонимы, этимологизируемые из пермских и тюркских языков

● — топонимы, этимологизируемые из пермских языков

■ — топонимы, этимологизируемые из тюркских языков

1. Los jä	8. Jok jä
2. Koi jä	9. Jul jä
3. Sel jä	10. Tschischm jä
4. Nerüsch jä	11. Jalyrn jä
5. Kyn jä	12. Iltemir jä
6. Surol jä	13. Sari jä
7. Jeschmas jä	14. Urma jä

Сводная таблица топонимов

Названия в первоисточнике описываются вдоль по течению реки, начиная снизу вверх. В некоторых случаях Г.Ф. Миллер приводит русские и татарские соответствия вогульским топонимам. Эти соответствия публикуются во второй колонке таблицы. Материал приводится в той графике и той последовательности, в которых он дается в оригинале:

№ пп	Вогульское у Миллера	Русское или татарское со- ответствие у Миллера	Русское соответ- ствие в ис- точниках XVIII в.	Современ- ное назва- ние	Возможные этимоло- гические сопоставле- ния вогульских на- званий
1	Schusch oder Schosche	рус. Tschusso- waja, тар. Schusch oder Schosche, Schusche Kul «Чусовское озеро»	Чусовая	Чусовая	через посредство тюрк. из неизвестного языка, ср. др.-тюрк. чуш, венг. csics 'вершина горы, исток реки', перм. *чус 'овраг'
2	Sul	рус. Sylwa reka, тар. Sullui	Сылва	Сылва, мар. Сули	перм. *sul 'талый', через посредство тюрк.
3	Los ja	Lyswa reka	Лысва	Лысьва	перм. *lūs 'хвоя'
4	Aus	Uswa reka	Усва	Усьва	ср. р. Оус (приток Пельма), хант. ðwās, ðwās 'нижний (по реке)'
5	Koi ja	Koiwa reka	Койва	Койва	1) к.-перм. койны 'брызгать' 2) к.-перм. кой 'пеноч- ка' (название рода)
6	Sel ja	Sylwiza reka	Сылвица	Сылвица	к.-перм. syl 'талый'
7	Tshuwasch ja		Чувашер		от этнонима чуваш через перм. посредство
8	Kopsich biul	Koptschik der.	д. Копчик	д. Копчик	антропоним Копчик + манс. räñä (чус. beol, biul) 'деревня'
9	Bossa ja	Osljanka reka	Ослянка	Ослянка	1) искаженное рус. осло 2) манс. posañ 'свет- лый'
10	Bulumbuss ja		Балымба- са, Балым- босья	Бабенка	1) к.-перм. полом 'бурелом' (< рус.) + '?перм. mōc 'ключ'; 2) манс. rawəl (чус. beol, biul) 'деревня' + суфф. -iñ + '?перм. *mōc, 'ключ'
11	Garewal biul	Babonkina der.	Бабенки	Бабенки	рус. Гарева + манс. rawəl (чус. beol, biul) 'деревня'

12	Amtzuk ku	Multyk Kamen		Мултык	манс. <i>aiñix</i> 'старик' + манс. <i>kew</i> (чус. <i>ku</i>) 'камень'
13	Nertüsch jä	Maloi Kyn r.	М.Кынъ	Малый Кын	к.-перм. <i>nörys</i> 'возвышенность, кряж'
14	Kyn jä	Kyn reka	Б.Кынъ	Кын	к.-перм. <i>kyn</i> 'студеный'
15	Jul jä	Serebrena reka	Серебряна	Серебряная, Серебрянка	тат. башк. <i>jul</i> 'дорога', <i>jul</i> 'ручей, горная речка'

Притоки р. Серебрянки

16	Schurisch jä		Шурышъ	Шурьли	1) к.-перм. <i>šor</i> 'гора, мыс'; 2) через перм. посредство из неизвестного языка, ср. венг. <i>šálí</i> 'чаша' (+суф.-š)
17	Botisch jä		Потежь	Потаж	через перм. посредство из неизвестного языка, ср. венг. <i>fiz</i> (* <i>pVt</i>) 'ива' (+суф.-š)
18	Jeschmas jä		Гаревая	Гаревка	к.-перм. <i>šimäs</i> 'ключ, источник'
19	Surol jä		Каменка	Каменка	к.-перм. <i>šor</i> 'гора, мыс' + перм. суф. -Vл
20	Nörmang jä	Lukowka r.	Луговая, Луковка	Луковка	манс. <i>nürät</i> 'луг' + суф. -л
21	Kyllichten jä		Колыхтанъ	Клыктан	? рус. диал. клыктать 'бурлить'
22	Tarulal jä	Scharawlia r.	Жаравлик	Журавлик	манс. <i>täriy</i> (тавд. <i>tārəw</i>) 'журавль' + <i>täryel</i> (чус. <i>lal</i>) 'нога'
23	Chabytal jä	Kokui r.	Кокуй	Кокуй	манс. <i>xäp</i> (чус. <i>kaeba</i>) 'лодка' + манс. <i>täli</i> 'пристань' (? связано с походом Ермака)
24	Tascham jä	Kamenka r.			манс. <i>išam</i> (чус. <i>tascham</i>) 'сухой'
25	Tascham jä	Kamenka bol-schaia r.		Сухая	манс. <i>išam</i> (чус. <i>tascham</i>) 'сухой'
26	Chontal jä	Bobrowka r.		Бобровка	манс. <i>xuntыл</i> 'бобр'
27	Tautim jä	Kedrowka r.		Кедровка	манс. тавд. <i>kä</i> (об-уг. * <i>θyaθ</i>) 'кедр' + суф. <i>in</i>

Далее по Чусовой выше Серебрянки

28	Innar jä	Ossinowa r.	Осиновая, Осиновка	Ключи	манс. тавд. <i>när</i> 'прут' (венг. <i>nyar</i> 'осина')
29	Chan-tschemä kue	Pissanoi Kamen		Писаный Камень	манс. <i>xäns-</i> 'писать' + суф. причастия - <i>m-</i> + <i>kaw</i> (чус. <i>ku</i>) 'камень' (? калька с русского)

30	Tschischm ja	рус. Tschischm a	Чизма	Чизма	тюрк. <i>чишмә</i> 'ручей, ключ'
31	Jok ja	Jokwa reka	Йоква	Ёква	1) к.-перм. <i>эг</i> 'грязь' 2) перм. <i>*jug</i> 'река'
32	Kasch ja	Kaschka reka	Кашка	Кашка	? тюрк. <i>каш</i> 'холм, высокий берег, рубеж'
33	Utka	Meschewaja Utka	Межевая Утка	Межевая Утка	1) через тюрк. или перм. посредство из неизв. угор. <i>*ui</i> 'вода, река' или венг. <i>út</i> 'дорога'; 2) манс. <i>wit</i> , чус. <i>уця</i> 'вода'
34	Sulem ja	Sulem reka	Сулемь	Сулем	1) субсубстратное неизвестного происхождения; возможно, связано с перм. <i>*sül</i> 'талый'; 2) манс. <i>sül'i</i> 'глина' + суф. <i>-in</i>
35	Jalym ja	Ilim reka	Илимь	Илим	1) тюрк. <i>жалым, жылым</i> 'крутой спуск, овраг' 2) башк. <i>йылым</i> 'невод'
36	Abass ja (приток Илима)			Медведка	манс. <i>ōra</i> (чус. <i>aba</i>) 'медведь' + суф. <i>-aš</i> (с собирательным значением)
37	Jelping ja	Schaitanka reka	Шайтанка	Шайтанка	манс. <i>jalpiŋ</i> 'святой'

Вогульские названия в верхнем течении Сылвы

38	Iltemir ja	Krutaia r.	Крута		тюрк. антропоним
39	Waske ja	Waskina r.			рус. антропоним
40	Busor ja	Musorka r.	Мусорка	Мусорка	? заимствование из русского
41	Sari ja	Sarga r.	Сарга	Сарга	тюрк. <i>сары, сарыг</i> 'желтый', <i>сарыа</i> 'желтеть'
42	Lom ja		Лома	Ломовка	1) рус. диал. <i>лом</i> 'валежник' 2) к.-зыр. <i>ломавы</i> 'гореть, пылать', диал. <i>лома</i> 'головня, обгорелая древесина' 3) к.-перм. <i>льом</i> 'черемуха'
43	Utka	Dikaia Utka r.	Дикая Утка	Дикая Утка	1) через тюрк. или перм. посредство из неизв. угор. <i>*ui</i> 'вода, река' или венг. <i>út</i> 'дорога'; 2) манс. <i>wit</i> , чус. <i>уця</i> 'вода'

44	Bis jä		Бизь, Пись	Бизь	через тюрк. посредство из венг. viz 'вода'
45	Urma jä		Б. и М. Урма	Б. и М. Урма	1) тат. <i>үрмә</i> 'выю- шийся' 2) тюрк. <i>урман</i> , <i>урма</i> 'лес'
46	Jelping jä	рус. Wogulka reka тат. Aijik jilga	Вогулка	Вогулка	манс. <i>jəlpiŋ</i> 'святой'
47	Kujar jä			Куара, Кувара	1) через тюрк. или перм. посредство из венг. <i>kő</i> 'камень' + <i>ér</i> (др.-венг. <i>eri</i> < * <i>ǵäri</i>) 'ручей, речка' 2) тюрк. <i>көйер</i> 'родник, источник'

Е. Э. Иванова
Уральский университет

Историко-этимологические наблюдения над топонимией реки Чусовой

Топонимия реки Чусовой, как и всего Среднего Урала, сложна для изучения, так как здесь в течение многих веков неоднократно происходили перемещения народов и ассимиляция одних этнических групп другими. Исторические сообщения о древних народах фрагментарны, зачастую спорны (например, сведения о Великой Венгрии). Это относится и к более позднему времени: известно, что до прихода русских (XVI в.) в басс. р. Чусовой жило коми – пермяцкое, мансийское, тюркское население, однако сведений об их расселении и контактах недостаточно. Многие топонимы подверглись неоднократной адаптации, что совершенно изменило их первоначальный облик.

Известно, что успешная интерпретация субстратных названий возможна при наличии обширного материала и выделении топоформантов. В басс. р. Чусовой субстратные топонимы немногочисленны, однотипные факты могут быть представлены двумя-тремя названиями. Поэтому их изучение требует привлечения всех методов исследования топонимов, в том числе обращения к историческим источникам. Особую ценность представляют картографические материалы XVIII–XIX вв., фиксирующие исторические формы топонимов¹. Наиболее интересными являются: «Чертежная книга Сибири» С.У. Ремезова (1701 г.), Карта

¹ Хранятся в ГАСО и библиотеке историко-краеведческого музея г. Екатеринбурга.